

В диссертационный совет МГУ.051.4
Московского государственного
университета имени М.В. Ломоносова
г. Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д.1, стр. 13-14,
Юридический факультет

ОТЗЫВ

**официального оппонента на диссертацию на соискание ученой степени
кандидата юридических наук Короткевича Михаила Александровича
на тему: «Плюрализм как цель коммуникационных свобод
в конституционном праве Федеративной Республики Германия»
по специальности 5.1.2. – «Публично-правовые
(государственно-правовые) науки»**

Диссертационное исследование М.А. Короткевича посвящено теме, которой традиционно уделяется значительное внимание учёных в области конституционного права, а также в сферах политических и социальных наук, но актуальность которой не только сохраняется, но и становится более явной с учётом ряда факторов.

Первое. Политизированность государственно-властных решений (в широком смысле) в области публично-политических прав всегда являлась проблемой для исследователя и правоприменителя, однако радикализация такой политизированности влечёт значимые риски для публичного порядка, демократии и развития гражданского общества. Текущие тренды развития государства и права в исследуемых в диссертационной работе юрисдикциях демонстрируют существенное обострение рассматриваемой проблематики и необходимость выработки подходов к решению возникающих конституционно-правовых вызовов.

Второе. Наблюдается устойчивая тенденция, свойственная не только ФРГ и ЕС, но и многим другим правовым порядкам, связанная с общим усилением роли и вмешательства государства в реализацию свобод, именуемых в диссертационном исследовании «коммуникационными», а также

переосмыслению, зачастую ситуативному, их реального и конструируемого содержания.

Третье. Классические догматы и подходы, связанные с пределами и ограничениями свободы выражения мнения, свободы массовой информации проходят эволютивную трансформацию из-за изменения способов дистрибуции информации и контента, а значит – невозможности применения обычного «оффлайн»-инструментария к правоотношениям в цифровой среде с учётом их трансграничной природы. Это вызывает острую потребность в «институционализации» медиарегулирования как самостоятельной отрасли законодательства, которая не ограничивается законодательством о СМИ.

Сказанное, безусловно, подтверждает актуальность диссертационного исследования, его цели и задач.

Научная новизна исследования обусловлена тем, что рецензируемая диссертация представляет собой одно из первых комплексных публично-правовых исследований по изучаемой проблематике и направлена на построение на основе конституционного права междисциплинарной концепции проблемного взаимодействия между коммуникационными свободами как классическими индивидуально-субъективными гарантиями и структурирующими процесс формирования плюралистического общественного мнения объективными принципами немецкого конституционного правопорядка, с одной стороны, и движимой стремлением к власти государственной и наднациональной коммуникационной политикой, с другой стороны. Столь амбициозная цель предполагает формирование собственной методологии и модели правопонимания с опорой на немецкую государственно-правовую доктрину и формирование на её основе цельной и непротиворечивой концепции. Результатом такого исследования стала выработка публично-правовых подходов к исследуемой проблематике с

учётом научной доктрины, применимого законодательства и правоприменительной практики.

Поставленные автором цели и задачи исследования определили широту теоретической базы исследования, которая не ограничивается трудами юристов, но включает в себя и многочисленные работы из области философии, социологии, политологии и экономики. Отдельно стоит отметить высокую конституционно-правовую релевантность привлекаемого научного материала из области наук о коммуникациях, заставляющего критически переосмыслить классические подходы к регулированию СМИ, преимущественно основанные на идее государственного невмешательства. Обращение к медиаэкономическим исследованиям и исследованиям медиаэффектов позволяет выявить слабые места в обосновании действующих нормативных конституционно-правовых моделей коммуникационного порядка ФРГ – интеграционной (плюралистической) и либерально-этатистской. Привлечение исторического материала полезно в двух аспектах: во-первых, «внутри» конституционного права обращение к истории развития государственно-правовых представлений о плюрализме способствует выявлению генетических связей современного конституционного медиарегулирования в Германии с подходами, распространенными в предшествующие эпохи; во-вторых, важно и обращение к «внешним» по отношению к конституционному праву историческим исследованиям, подчеркивающим проблему дефицита суверенитета ФРГ и в особенности указывающим на соответствующие недостатки в коммуникационной сфере, возникшие в результате оформления немецкого коммуникационного порядка западными союзниками в собственных политических интересах. Наконец, продуктивным является и акцентирование автором конституционно-правового измерения деятельности информационных агентств – влиятельных субъектов в сфере коммуникации,

необоснованно освобожденных от ограничивающего их потенциальные злоупотребления конституционализированного медиарегулирования.

Нормативная база исследования также отличается глубиной и проработанностью, так как охватывает значительный объем нормативных правовых актов и материалы правоприменительной практики, включая многочисленные решения судов. Автором проанализирован большой объем источников, что позволило сформировать комплексный подход к публично-правовому исследованию коммуникационной сферы ФРГ. Подбор источников для анализа позволяет обратиться к невероятно широкому спектру идей и подходов, анализ которых позволяет расширить взгляд на соответствующие теоретические и практические вопросы реализации коммуникационных свобод.

Достоверность выводов диссертационного исследования подтверждается эмпирической базой, сформированной публично-правовой практикой в сфере реализации коммуникационных свобод, судебными решениями, а также немецкой научной доктриной, включая многочисленные источники на немецком языке.

Положения, выносимые на защиту, научные выводы и рекомендации, сформулированные в диссертационном исследовании, представляются обоснованными, достоверными, а также, вне всякого сомнения, обладают научной новизной.

Автором диссертационного исследования по итогам проведенного анализа сформированы методология и модель правопонимания, позволяющие без содержательных потерь согласовать многообразные научные подходы к исследованию коммуникации на фундаменте конституционного права; выработан цельный и значимый для предмета исследования философско-, политико- и историко-правовой контекст действующего конституционного режима ФРГ как плюралистической демократии с привязкой к

фундаментальным дискуссиям немецкого конституционного (государственного) права; выявлены базовые нормативные конституционно-правовые модели немецкого коммуникационного порядка с учетом их экономических, социологических и технологических детерминант; актуализирована концепция функционализации коммуникационных свобод с целью гарантирования плюрализма в свете современных трансформаций догматики основных прав на примерах конституционно-судебной практики и конституционализированного обычного законодательства; детерминированы конституционно-правовые риски, угрожающие классическому содержанию коммуникационных свобод, и тенденции в развитии немецкого коммуникационного порядка; выдвинуты рекомендации по возможному реформированию коммуникационного порядка Германии для восстановления свободы личности, автономии общества и суверенитета государства в коммуникационной сфере; соотнесены конституционно-правовое ядро немецкого коммуникационного порядка с традиционным и новым подходами к гарантированию плюрализма в рамках Совета Европы и права ЕС.

Отмечая несомненные достоинства диссертационного исследования М.А. Короткевича, следует высказать ряд замечаний и пожеланий по его содержанию.

Во-первых, на основе анализа доктринальных подходов автор справедливо строит своё исследование на концепции правового реализма (прагматического реализма) (с. 48), а для решения собственных исследовательских задач выявляет доктринальное противопоставление этатизма и конституционализма (сс. 82 – 83), формулируя впоследствии подходы к конституционно-правовой сущности плюрализма (с. 86 и далее) с учётом автономии личности и текущего уровня научной дискуссии, в том числе предлагая отдельные коррективы в имеющихся подходах. Вместе с тем автор не вполне чётко формулирует собственное видение целевой

конституционно-правовой модели плюрализма с точки зрения дальнейшего анализа и решения прикладных исследовательских задач.

Автор скорее вскользь указывает на конституционно-правовую релевантность сложных взаимозависимостей различных измерений плюрализма: плюрализма публичных властей, политических партий и союзов, плюрализма в сфере коммуникации (с. 73), затем лишь эпизодически возвращаясь к этой проблематике (сс. 118, 179 – 180). Представляется, однако, что потенциал конституционно-правового анализа плюрализма этим не исчерпывается, а соотношение различных его проявлений нуждается в системном представлении.

Во-вторых, обращаясь в контексте конституционно-правового гарантирования медиаплюрализма к экономике СМИ, автор приходит к выводу о том, что организация коммуникационной сферы на рыночных принципах неэффективна (с. 121). Со ссылкой на междисциплинарные исследования М.А. Короткевич весьма обоснованно указывает, что «медиарынок по своей природе стремится не к плюрализму, а к гомогенности» (с. 125), однако, при этом концентрируясь на классических медиа и не уделяя много внимания цифровой среде, хотя в свете объективно меньшей роли государства в сети Интернет и транснациональной природы последней перечисленные в работе недостатки медиарынка (с. 126) могли бы быть в существенной степени компенсированы.

Цифровая сфера затрагивается в работе лишь в отдельных аспектах анализа технологической и медиа конвергенций в контексте будущего развития немецкого коммуникационного порядка (сс. 187 – 189), деятельности блогеров (сс. 170 – 172), медиапосредников (сс. 201 – 203) и критики цифровых основных прав (сс. 223 – 224) с акцентом на европейское, а не немецкое регулирование. Возможно, уместным был бы более общий вывод о (не)способности преимуществ цифровой среды скорректировать дефициты,

возникающие на рынках классических медиа. В особенности ценным было бы подробное конституционно-правовое профилирование роли общественного вещания в сети Интернет.

В-третьих, справедливой критике в работе подвергается реализация принципа соразмерности в практике Федерального конституционного суда Германии, в том числе в последние годы и в особенности во время пандемии новой коронавирусной инфекции. При этом автор разумно отмечает, что некоторые политические вопросы в принципе не могут быть «юридизированы в степени, достаточной для их судебного рассмотрения без ущерба функции законодателя» (с. 140). С учётом позиции автора о «дисфункциональности принципа соразмерности как ключевого материального предела допустимых ограничений коммуникационных свобод» (с. 139), однако, остается вопрос о том, как именно следует адаптировать указанный принцип к специфике гарантирования плюрализма в коммуникационной сфере?

Кроме того, автор в целях восстановления действия коммуникационных свобод настаивает на минимальном применении принципа соразмерности (положение 8, выносимое на защиту, с. 14), но как тогда обеспечить эффективную защиту коммуникационных основных прав и актуальность их суженного, более недоступного для взвешивания содержания? Могут ли для этого в тексте Основного закона закрепляться новые специализированные коммуникационные основные права?

В-четвертых, в диссертационном исследовании в целом негативно оценивается плюрализация догматики и функций основных прав – в этом направлении, с одной стороны, критикуются соответствующие тенденции как в немецком конституционном праве (сс. 131, 143), так и на европейском уровне (сс. 213, 229). С другой стороны, признается, что в современном обществе лишь негативная функция коммуникационных свобод явно недостаточна для гарантирования подлинной автономии личности в

коммуникационной среде (сс. 131, 178). В этом контексте возникает вопрос, стоит ли полностью отдавать на откуп обычному законодателю оформление позитивной коммуникационной свободы или же конституция должна предусмотреть определенные рамочные условия осуществления его деятельности, в том числе в разделе об основных правах?

В-пятых, анализируя комплекс актов Европейского союза в области медиарегулирования, автор относит к нему и такие, которые весьма ограниченно могут быть релевантны для рассматриваемой проблематики (например, Общий регламент по защите персональных данных GDPR, с. 248). При этом, если говорить о цифровой среде, наряду с затронутыми в работе актах о цифровых рынках и цифровых услугах – DMA и DSA – стоило бы рассмотреть и Закон об искусственном интеллекте (AI Act). Кроме того, отмечая спорность ряда положений рассматриваемых актов, автор не дает конкретные предложения по их корректировке.

В-шестых, критикуя европейское медиарегулирование, автор предостерегает от введения на уровне Европейского союза чрезвычайного положения в коммуникационной сфере (положение 10, выносимое на защиту, с. 15). Принимая за основу мышление от (немецкого) государства, действительно, современное европейское медиарегулирование можно считать заменой национальной конституционно-правовой парадигмы регулирования массовой и индивидуальной коммуникации на наднациональную. Но не является ли с точки зрения европейской интеграции подобное положение дел лишь закономерным углублением экономического и политического единства европейского сообщества, предполагающего «все более тесный союз народов Европы»?

Вместе с тем, указанные замечания не умаляют значимости диссертационного исследования. Диссертация отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени

М.В. Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует специальности 5.1.2. «Публично-правовые (государственно-правовые) науки», критериям, определенным пп. 2.1-2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова. Диссертация оформлена согласно требованиям Положения о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Таким образом, соискатель Короткевич Михаил Александрович заслуживает присуждения ученой степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.2. «Публично-правовые (государственно-правовые) науки».

Официальный оппонент:

кандидат юридических наук, доцент департамента публичного права факультета права федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Салихов Дамир Равильевич

«09» декабря 2025 г.

Контактные данные:

тел.: +7(495) 772-95-90 *23005, 22298, e-mail: dsalikhov@hse.ru

Специальность, по которой официальным оппонентом защищена диссертация: 12.00.02 – конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право.

Адрес места работы:

109028, г. Москва, Большой Трехсвятительский переулок, д. 3.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», факультет права, департамент публичного права. Тел.: +7(495) 772-95-90 *23005, 22298, e-mail: dsalikhov@hse.ru.